

ЧТО СБЛИЖАЕТ ДВУХ ПРЕЗИДЕНТОВ

Горбачёв и Путин сближаются. Путин регулярно оказывает Горбачёву знаки внимания и дружелюбия, Горбачёв практически в каждое интервью или выступление вставляет что-то хорошее о Путине. В политических салонах ходят разговоры, будто для Михаила Сергеевича подыскивается какой-то достаточно почетный пост. Каковы источники этого взаимного тяготения?

Причины благосклонности второго президента России к бывшему президенту СССР лежат на поверхности. Путину по многим причинам нужен авторитет Горбачёва. И для постепенного освобождения от имиджа ельцинского ставленника, человека, зависящего от близких к Ельцину людей. И для успокоения Запада и либеральных кругов в России (сближение с Горбачёвым — это как бы гарантия того, что ничего «слишком тоталитарного» Путин не учинит). Может быть, к этому прибавляются и какие-то личные чувства (президенты — тоже люди).

Причины симпатий Горбачёва к Путину также во многом прозрачны. После десяти лет, прожитых в постоянном ожидании от власти какой-нибудь новой пакости, он вдруг получает то уважение и признание, которых, безусловно, заслуживает. И, естественно, он не может не ответить взаимностью. Это нормальное движение человеческой души.

Но мне кажется, у новых отношений власти и Горбачёва есть и другие, более сложные причины. Горбачёв и Путин могут ощущать определенное сходство между той политической системой, которую строил, но не смог выстроить Горбачёв, и теперешней, путинской. Горбачёв стремился дать и действительно дал обществу свободу. Но он не мог стремиться к тому, чтобы эта свобода привела к потере им власти. Не мог даже не из властолюбия, а из чувства ответственности, как человек, осуществляющий «революцию сверху». У Горбачёва и его окружения был план создания чего-то вроде трехпартийной системы. С одной стороны — разные оголтелые «правые» (тогда они еще назывались «левыми»), с другой — тоже оголтелые «левые», и те и другие — вышедшие из компартии, а посередине — мощная, преобразованная КПСС, которая, очевидно, стала бы называться как-то иначе и которая последовательно, без излишней спешки осуществляла бы великое преобразование СССР. Таким образом, ротация политических сил в горбачёвский образ строящейся демократии не входила и войти не могла (разве что в какой-то предельно далекой, за горизонтом его времени, перспективе).

План не реализовался, Горбачёв был свергнут, и то, что наступило после этого, естественно, вызывало у него чувство горечи. Но развал СССР и уничтожение КПСС — уже исторические факты. Оргия «прихватизации» — тоже в прошлом. Чувства, вызванные этими событиями, притупились, и сейчас, когда дело уже сделано, власть вполне готова признать, что многое было сделано неверно. Эти источники разногласий Горбачёва и власти уже исчезли. Между тем режим, установленный свергнувшей Горбачёва группировкой, постепенно эволюционировал, и с приходом Путина приобрел черты, внешне схожие с чертами горбачёвского плана. Если Ельцин 1991 г. — «правый радикал», то Путин — «центрист», равноудаленный от правых и левых, каковым стремился предстать в свое время и Горбачёв. «Единство» — это что-то напоминающее (скорее пародийно) так и не состоявшуюся горбачёвскую «центристскую» КПСС.

Даже возвращение гимна СССР с новыми словами — это как бы то самое, что не успел сделать Горбачёв. Может казаться, что после катастрофы 1991 г. всё потихоньку «встает на свои места». Спираль сделала виток, и мы во многом вернулись к ситуации 1990 — начала 1991 г. Однако за внешним сходством несостоявшейся горбачёвской системы и состоявшейся путинской стоят громадные различия в исторической и социальной роли этих систем.

Во-первых, «центризм» Горбачёва и «центризм» Путина — совершенно разной природы. Горбачёв был реформатором и даже «революционером сверху» и с самого начала поставил себя отнюдь не в центр существовавшего тогда политического спектра, а далеко на «правый», реформистский фланг. В любой позиции всегда найдутся те, кто левее или правее, и любой властитель — всегда в «центре». Но Горбачёв указал такую позицию центра, которая до него считалась бы крайне радикальной, и постепенно сдвигал ее все дальше, последовательно превращая в «нормальное» и «центристское» то, что еще год и даже полгода назад казалось «экстремизмом». Поэтому горбачёвский «центризм» был мнимым, кажущимся. Иное дело — путинский центризм. Придя к власти, Путин застал определенный, устоявшийся спектр и постарался занять место посередине, на относительно равной дистанции от левых и правых. Это — не динамичный псевдоцентризм реформаторской власти, а «настоящий» центризм, центризм status quo. Сходство есть, но в основном — внешнее.

Во-вторых, безальтернативность, своя собственная и своей партии, к которой стремился Горбачёв, и та реальная безальтернативность, которую имеет Путин, — также совершенно различны. Смысл несостоявшейся горбачёвской «безальтернативности» — в обеспечении той устойчивости, которая была необходима для относительно спокойного и упорядоченного демонтажа старой системы. Я убежден, что если бы горбачёвский план реализовался, это был бы значительно лучший вариант нашего развития, чем тот, который осуществился. Люди постепенно привыкали бы к полученной свободе, вырабатывали новые правила и навыки, СССР, несомненно, все равно разваливался бы, но тоже постепенно и «планомерно». Дальше, конечно, начались бы проблемы. Реформаторский идеализм горбачёвских соратников через какое-то время выветрился бы, партия, не имеющая альтернативы, впадала бы в маразм и коррумпировалась, и все равно возник бы тупик — подобный тем, из которых с муками выбирают Индия и Мексика. Но это — цена, которую вполне можно было бы заплатить за относительную плавность перехода. Сейчас же безальтернативность верховной власти утратила свое историческое оправдание. Теперь она служит не условием планомерного движения вперед, а средством консервации сложившегося порядка вещей.

Наконец, в-третьих, вектор развития при Горбачёве — это движение ко все большей свободе, степень которой увеличивалась буквально с каждым месяцем и, если бы осуществился горбачёвский план, увеличивалась бы и дальше, пока на повестке дня не встал бы вопрос поиска альтернативы обновлённой КПСС. Сейчас движение вперед, к большей политической свободе, к демократической норме — это переход к ротации власти, к реально альтернативным выборам, который никак не может быть осуществлен самой властью. Любые же естественные движения власти к большему порядку и стабильности сейчас могут быть лишь движениями к ограничению уже существующих свобод, к подавлению любой потенциальной альтернативы. Векторы развития страны и развития власти, временно совпавшие в результате преобразовательной деятельности Горбачёва, разошлись. И сближение Горбачёва и Путина вне зависимости от субъективных мнений и чувств сближающихся камуфлирует разные векторы нашего развития на рубеже 90-х и на рубеже нового века и тысячелетия.

